

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Н. В. Веремьева (г. Могилев, Беларусь)

Крылатые слова – это разнообразные по содержанию и грамматическому оформлению устойчивые выражения и отдельные слова, которые широко распространены в речи и происходят из художественных и других (публицистических, юридических, научных и т. д.) литературных произведений, фольклорных текстов (мифов, легенд, песен, сказок, анекдотов и др.), а также из устных высказываний известных людей. [1, с. 76]. Выражение «крылатое слово» восходит к Гомеру, в поэмах которого («Илиада» и «Одиссея») оно встре-

чается много раз («Он крылатое слово промолвил»; «Между собой обменялись словами крылатыми тихо»).

Как литературный термин оно стало применяться в конце XIX в. после выхода в свет книги немецкого ученого Г. Бюхмана «Крылатые слова» (1864), в которой были размещены преимущественно цитаты из произведений немецкой и мировой литературы.

В настоящее время можно говорить о функционировании оборота крылатые слова:

- в бытовой и художественной сфере:
 - как образного обозначения красивого словца, меткой характеристики, подхваченных некоторым кругом людей;
 - как детерминированного устойчивого словосочетания, сохраняющего в своей семантике опыт, оценки известных людей, всего народа;
- в научной сфере:
 - в широком смысле как стилистического термина, обозначающего любое выразительное речеобразование; как синонима цитаты в многообразных ее проявлениях; как лексико-фразеологического понятия (родового, объединяющего как отдельные слова, так и их комплексы с печатью авторства; видового, соотнесенного только с одним разрядом – отдельными словами, маркированными авторством);
 - в узком смысле: прежде всего в теории крылатых слов и в соответствующем направлении лексикографии – как терминологического наименования ассоциативно-генетически связанных с каким-либо текстом или автором слов и выражений, стабилизовавших свои формально-содержательные параметры и ставших частью словаря национального языка [1, с. 98].

Крылатые слова являются фразеологизмами прежде всего по своему оформлению. Подобно фразеологизмам они выступают как раздельнооформленные языковые знаки: словосочетания разной структуры (рус.: *Златой телец; на заре туманной юности; блоху подковать*; бел.: *жыць на шырокую нагу, страчанне пакаленне*; лат.: *lege artis* (букв. *мастерски*), *Aurea mediocrita* (букв. *золотая середина*) или же законченные предложения, простые и сложные (рус.: *Из искры возгорится пламя; кто сеет ветер, пожнет бурю*; лат.: *Addere oleum camino* (букв. *подливать масло в огонь*); *Cogito ergo sum* (букв. *я мыслю, следовательно, существую*); бел.: *Глядзець вачамі, а не ротам; З агню ды ў полям*), вопросительные и побудительные (рус.: *Как дошла ты до жизни такой? Руки прочь!*; бел.: *Лепш намерці стоячы, чым жыць на каленях!*; лат.: *Quid leges sine moribus vanae proficiunt?* (букв. *Что значат пустые законы без обычаев?*)) [3, с. 87–99]. Исключение составляют только ставшие нарицательными имена исторических лиц (*Крез, Меценат*), а также мифологических и литературных персонажей (*Аполлон; Молчалин*). Будучи

однословными единицами, они не могут считаться фразеологизмами. Но поскольку они используются как цитаты, исключать их из категории крылатых слов было бы нецелесообразно; кроме того, подобные имена встречаются также и в форме словосочетаний (*Железный Феликс*).

В некоторых случаях они могут даже выступать как прямое обозначение той или иной сложной ситуации, – если в языке не имеется более кратких, а главное – общепринятых слов для ее наименования, ср. например, крылатое слово *Дары данайцев*, смысл которого можно передать только с помощью многословного описания: *'коварные дары, несущие с собой гибель для тех, кто их получает'*; фр.: *le fil d'Ariadne* *'Ариаднина нить, то есть, путь спасения'*. Крылатые слова в форме целого предложения («крылатые фразы») обобщают, подобно «анонимным» пословицам, жизненный опыт, конденсируя его в форме сентенции (рус.: *Друзья познаются в беде*; лат.: *Fabricando fit faber* (букв. мастером становятся в деле); бел.: *Клін клінам вышыбаюць*; фр.: *L'herreur est humaine* (букв. человеку свойственно ошибаться) или же предписывая определенную линию поведения (рус.: *Живи и жить давай другим*; бел.: *Хочаш многа знаць – трэба мала спаць*; фр.: *On ne prend pas un home deux fois* (букв. за одну вину не карают дважды) [3, с. 56]. Во многих крылатых фразах содержатся в виде формулировок, лозунгов, девизов и т. д. определенные философские, социальные, политические взгляды (рус.: *Всё течет, всё изменяется*; *Я мыслю, – следовательно, существую*; *Бытие определяет сознание*; лат.: *Praeteritum tempus nunquam revertitur* (букв. прошлое не возвращается); *Potius sero quam nunquam* (букв. лучше поздно, чем никогда); фр.: *La pauvreté n'est pas vice* (букв. бедность – не порок); *La vie sans amis est triste* (букв. жизнь без друзей грустна) [3, с. 113].

Как пословицы и поговорки без зафиксированного происхождения воспринимаются некоторые крылатые слова, пришедшие из Библии и античной литературы: *Волк в овечьей шкуре* (Библия), *Подливать масла в огонь* (Гораций); лат.: *Summum malum est dolor* (букв. величайшее зло – страдание) Цицерон; *Non omnia possumus omnes* (букв. не всякому всякое дело под силу) Луцилий [3, с. 37].

К характерным чертам крылатых слов принято относить афористичность, глубину сообщаемой ими мысли, особую выразительность, свежесть, образность. Действительно, эти черты характерны для множества крылатых слов, например: рус.: *кто не работает, тот не ест*; *в карете прошлого далеко не уедешь*; бел.: *Язык заўсёды трэцца аб хворы зуб*; *Якое дрэва, такі кліп, які бацька, такі сын*; фр.: *Enfermer le loup dans la bergerie* (букв. закрыть волка вместе с овцами) и т. д. Такого рода цитаты образуют как бы один полюс массива крылатых слов. На другом полюсе находятся многочисленные цитаты, широко используемые и порой весьма выразительные, но не

несущие какой-либо глубокой мысли, не передающие жизненной мудрости, человеческого опыта, а описывающие простые бытовые ситуации [2, с. 156]. Например: *рус.*: Я пришел к тебе с приветом; не делайте из еды культа; *бел.*: Чаго нельга, таго хочацца; Кураня курыцу не вучыць; Хто нарадзіўся, той і паміраць мусіць; *фр.*: On ne meurt qu'une fois (букв. умирают лишь один раз); Tous les gens sont pétris de la même argile (букв. все люди созданы из одной и той же глины); *лат.*: Seris venit usus ab annis (букв. опыт приходит с годами); Quae nocent, docent (букв. что вредит, то учит) [3, с. 93] и т. д. Такого рода цитаты можно назвать разговорными.

Локализация КВ среди слов и фразеологизмов означает признание их номинативной природы. Резкие возражения исследователей вызывает отнесение к номинативному фонду языка КВ с аналитической семантикой и структурой предложения, усматривающих в этом нарушение основ вербальной коммуникации, где единице каждого языкового уровня уготована своя собственная и неизменная роль, а поэтому слово должно именовать, предложение – сообщать [2, с. 79].

В реально функционирующей языковой системе, пишет Г.Л. Пермяков, возникают зоны контактирования подсистем, где происходит взаимодействие между единицами разного уровня статуса, где имеют место абсорбционные процессы, приводящие к появлению качественно нового образования, совпадающего по форме с одним контактирующим феноменом, но обладающего признаками другого и выполняющего несвойственные первому функции. Примером могут служить крылатые фразы, оформленные так же, как основная коммуникативная единица, но используемые в номинативных целях.

Литература

1. Дядечко, Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология : учеб. пособие/ Л.П. Дядечко. – Киев : Аванпост-прим, 2006. – 336 с.
2. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – Москва : Азбуковник, 2001. – 288 с.
3. Proverbia et dicta: Шестязычный словарь пословиц, поговорок и крылатых слов / Н.А. Гончарова [и др.] ; под ред. Н.А. Гончаровой. – Минск : Университетское, 1993. – 255 с.